

декабристы (Из неоконченного). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://to1stoyleo.ru/> приятного чтения!

Декабристы (Из неоконченного). Лев Николаевич Толстой

I

Спорное дело "о завлажении Пензенской губернии Краснослободского уезда помещиком, отставным гвардии поручиком, Иваном Апыхтиным, 4000 десятин земли у соседних казенных крестьян села Излегощи" было в первой инстанции, уездном суде, по ходатайству выборного от крестьян Ивана Миронова решено в пользу крестьян, и огромная дача земли, частью под лесами, частью же под пашнями, расчищенными крепостными Апыхтина, поступила в 1815 году во владение крестьян, и крестьяне в 1816 году посеяли эту землю и сняли с нее урожай. Выигрыш этого неправильного дела крестьянами удивил всех соседей и даже самих крестьян. Этот успех крестьян объяснялся только тем, что Иван Петрович Апыхтин, человек самый кроткий, смиренный и неохотник судиться, в этом деле уверенный в своей правоте, не принял никаких мер против действий крестьян. Иван же Миронов, поверенный крестьян, по ремеслу горшечник, сухой, горбоносый, грамотный мужик, бывший и головою и ходивший сборщиком податей, собрав с мужиков по пятьдесят копеек с души, умно распределил эти деньги подарками и ловко вел все дело. Но тотчас же после решения уездного суда Апыхтин, увидав опасность, дал доверенность ловкому дельцу, вольноотпущенному Илье Митрофанову, подал апелляцию в Палату на решение уездного суда. Илья Митрофанов так ловко вел дело, что, несмотря на все происки поверенного крестьян Ивана Миронова, несмотря на значительные денежные подарки из собранной с крестьян по пятидесяти копеек с души суммы, розданные им членам Палаты, дело в губернии было перерешено в пользу помещика, и земля вновь должна была отойти от крестьян, о чем поверенному их и было объявлено. Поверенный Иван Миронов объявил на сходке крестьянам, что губернские господа потянули руку помещика и дело "всё спутали", так что землю опять хотят отобрать, но что дело помещика не выгорит, потому что у него уж прошение в Сенат написано, и есть такой человек, который обещал верно в Сенате все дело исправить, и что тогда уж землю навсегда закрепят за мужиками; только бы они теперь собрали еще по рублю с души. Крестьяне решили деньги собрать и опять приказать все дело Ивану Миронову. Собрав деньги, Миронов уехал в Петербург.

Когда в 1817 году на страстной - она приходилась поздно - пришло время пахать, излегощинские мужики на сходке стали толковать, пахать ли им в нынешнем году спорную землю, и, несмотря на то, что к ним постом еще приезжал от Апыхтина приказчик с приказом не пахать земли и сходиться с князем по согласию об посеянной ржи в бывшей спорной, а теперь апыхтинской земле, мужики именно потому, что у них было посеяно в спорной земле озимое и что Апыхтин о нем хотел, не желая их обидеть, с ними полюбовно сходиться, решили спорную землю пахать и захватывать прежде всякой другой земли.

В самый тот день, как мужики выехали пахать на Берестовскую дачу в чистый четверг, Иван Петрович Апыхтин, говевший на страстной неделе, поехал рано утром в церковь села Излегощи, куда он был прихожанин, и там, ничего не зная об этом, дружелюбно беседовал со старостой церковным. Иван Петрович исповедовался с вечера и дома слушал всеночную; поутру сам прочел правила и в восемь часов выехал из дому. К обедне его ждали. Стоя в алтаре, где он обыкновенно стаивал, Иван Петрович более размышлял, чем молился, и был за то недоволен собою. Он, как и многие люди того времени, да и всех времен, чувствовал себя в неясности относительно веры. Ему было уже за пятьдесят два года, он никогда не пропускал исполнения обрядов, посещения церкви и говения раз в году; он, говоря с своей единственной дочерью, наставлял ее в правилах веры; но если бы его спросили, точно ли он верит, он бы не знал, что ответить. И в особенности нынче он чувствовал себя размягченным и, стоя в алтаре, вместо того, чтобы молиться, думал о 1000 том, как странно все устроено на свете: вот он уже почти старик, говеет, может быть, сороковой раз в жизни, и вот он знает, что все, и домашние его и все вот в церкви, все смотрят на него как на образец, берут пример с него, и он чувствует себя обязанным показывать этот пример в отношении религии, а он сам ничего не знает, и вот, вот ему уже умирать придется, а, хоть убей его, он не знает, правда ли то, в чем он другим показывает пример. И странно ему и то было, как все считают, - он это видел, что старые люди тверды и знают, что нужно и что не нужно (так он всегда думал о стариках), а вот он и стар и решительно не знает и так же легкомыслен, как он был двадцати лет; но только прежде он не скрывал, а теперь скрывает это. Как в детстве ему приходило в голову во время

декабристы (Из неоконченного). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru службы запеть петухом, так и теперь ему такие же глупости забегают в голову, а он, старик, степенно склоняется к земле, прикасаясь старыми косточками руки к плитам пола, и отец Василий, ридимо, робеет служить при нем и возбуждаем к усердию его усердием. "А если бы он знал, какие глупости у меня в голове бродят? Но грех, грех, надо молиться", - сказал он себе, когда началась служба; и, вслушиваясь в смысл ектеньи, стал молиться. И действительно, скоро он перенесся чувством в молитву и стал вспоминать свои грехи и все, в чем он каялся.

Благовидный старик, плешивый, с густыми седыми волосами, в шубе с новой белой заплаткой на половине спины, ровно шагая вывернутыми лаптями, войдя в алтарь, поклонился ему низко, встряхнул волосами и прошел за алтарь ставить свечи. Это был церковный староста Иван Федотов, один из лучших мужиков села Излегощи. Иван Петрович знал его. Вид этого строгого, твердого лица навел Ивана Петровича на новый ход мыслей. Это был один из тех мужиков, которые хотели отнять у него землю, и один из лучших, один из редких богатых, семейных хлебосевцев, которым нужна была земля и которые умели с ней управиться и было чем. Его строгий вид, его степенный поклон, его равномерная походка, аккуратность его одежды - онучи, точно чулки, облипали его ноги, и обортки симметрично скрещивались как на той, так и на другой ноге, - весь его вид как будто выражал укор, враждебность на землю.

"Да, вот я просил прощенья у жены, у Маши (дочери), у няни, у Володи-камердинера, а вот у кого надо было просить прощенья и простить их", подумал Иван Петрович и решил попросить прощенья у Ивана Федотова после заутрени.

Так он и сделал.

В церкви было мало народа. Народ весь, по обычаю, отгovel на первой и на четвертой неделе. Теперь же было только человек десять мужиков и баб, не успевших отгovel раньше, несколько старушек мужицких, причетников и дворовых апыхтинских и богатых соседей Чернышевых. Была тут старушка, родственница Чернышевых, жившая у них, и дьяконица-вдова, та самая, сына которой Чернышевы, по своей доброте, воспитали и вывели и люди и который служил теперь чиновником в Сенате. Между заутрени и обедней народу в церкви осталось еще меньше. Мужики и бабы вышли наружу. Оставались обе салопницы, сидя в уголку беседовавшие между собою и поглядывавшие на Ивана Петровича с видимым желанием поздороваться с ним и поговорить, и два лакея: его лакей в ливрее и Чернышевский лакей, приехавший с старушкой. Эти оба тоже о чем-то оживленно шептались, в то время как Иван Петрович выходил из алтаря, и тотчас же, увидав его, почтительно замолкли. Еще была женщина в высокой кичке с бисерными наличниками и белой шубе, в которой она, закрывая кричавшего больного ребенка, старалась успокоить его; и еще сгорбленная старуха, тоже в кичке, но с шерстяными наличниками и белым платком, завязанным по-старушечьи, и в сером чупруне с петушками на спине, которая, стоя на коленях посередине церкви и обращаясь к старому образу между решетчатых окон, на котором висело с красными концами новое полотенце, молилась так усердно, торжественно и страстно, что нельзя было не обратить на нее внимания. Не подходя еще к старосте, который, стоя у шкапчика, переминал остатки свеч в комок воска, Ива 1000 и Петрович остановился посмотреть на эту молящуюся старуху. Старуха молилась очень хорошо. Она стояла на коленях так прямо, как только можно было стоять прямо по направлению к образу, все члены ее были математически симметричны, ноги сзади упирались носками лаптей в каменный пол под одним и тем же углом, тело было загнуто назад, насколько позволял горб спины, руки совершенно правильно сложены под животом, голова закинута назад, и лицо, с выражением стыдливой жалостливости, сморщенное, с тусклым взглядом, прямо обращено к иконе с полотенцем. Постояв неподвижно в таком положении минуту или меньше, но какое-то твердо определенное время, она, тяжело вздыхая, отнимала правую руку, с размахом заносила ее выше кички, дотрогиваясь сложенными перстами до темени, и так же широко клала крест на живот и на плечи, и, размахиваясь назад, опускалась головой на правильно положенные на землю руки, и опять поднималась и опять делала то же.

"Вот молится, - подумал, глядя на нее, Иван Петрович, - не так, как мы, грешные; вот вера, хоть я и знаю, что она молится на свой образок, или на свое полотенце, или свой убор на образе, как и все они. Но хорошо. Ну что ж? сказал он сам себе, - у каждого своя вера: она молится на образок, а я вот считаю нужным попросить

Декабристы (Из неоконченного). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
прощенья у мужика".

И он направился к старосте, невольно оглядывая церковь, чтобы знать, кто увидит его предполагаемый поступок, в одно и то же время нравившийся ему и стыдивший его. Ему неприятно было, что старушки-салопницы, как он называл их, увидят, но более всего неприятно было, что увидит Мишка, его лакей; в присутствии Мишки - он знал его бойкий, шутовской ум - он даже чувствовал, что не в силах будет подойти к Ивану Федотову. И он поманил к себе пальцем Мишку.

- Что прикажете?

- Поди, пожалуйста, брат, принеси мне еще коврик из коляски, а то сыро ногам.

- Слушаю-с.

И когда Мишка ушел, Иван Петрович тотчас же подошел к Ивану Федотову. Иван Федотов заробел, как точно виноватый, при приближении барина. Робость и торопливость движений составляли странное противуречие с его строгим лицом и кудрявыми стальными волосами и бородой.

- Свечу прикажете десятикопеечную? - заговорил он, поднимая конторку и вскидывая только изредка своими большими прекрасными глазами на барина.

- Нет, мне не свеча, Иван. А я прошу тебя простить меня, ради Христа, если я в чем обидел. Простите, ради Христа, - повторил Иван Петрович и низко поклонился.

Иван Федотов совсем заробел, заторопился, но наконец понял, усмехнулся нежной улыбкой.

- Бог простит, - сказал он. - Обиды, кажется, от тебя не видали. Бог простит, обиды не видали, - поспешно повторил он.

- Все-таки...

- Бог простит, Иван Петрович. Так десятикопеечных две?

- Да, две.

- Вот ангел, точно, что ангел. У мужика подлого и то прощенья просит. О, господи! право, ангелы, - заговорила дьяконица в черном старом капоте и черном платке. - И точно, что мы понимать должны.

- А, Парамоновна! - обратился к ней Иван Петрович. - Что? или говеешь тоже? Прости тоже, Христа ради.

- Бог простит, батюшка, ангел ты мой, благодетель ты мой милостивый; дай ручку поцеловать.

- Ну, полно, полно; ты знаешь, я не люблю... - сказал Иван Петрович, улыбаясь, и пошел в алтарь.

Обедня, как и обыкновенно, служилась в Излегощинском приходе, отошла скоро, тем более что причастников было мало. В то время как после "Отче наш" царские двери закрылись, Иван Петрович выглянул в северные двери, чтобы кликнуть Мишку снять шубу. Увидав его движение, священник сердито мигнул дьякону, дьякон выбежал почти, вызывая лакея Михаила Михайловича. Иван Петрович был в довольно хорошем расположении духа, но эти услужливость и выражение уважения от священника, служившего обедню, опять расстроили его; тонкие, изогнутые, бритые 1000 губы его изогнулись еще больше, и добрые глаза засветились насмешкой. "Точно я генерал его", - подумал он, и тотчас же вспомнились ему слова немца-гувернера, которого он раз привел с собой в алтарь смотреть русскую службу; как этот немец насмешил его и рассердил жену, сказав: "Der Pop war ganz bose, das ich ihm alles nachgesehen hatte" [Поп был очень зол на то, что я все наблюдал за ним (нем.)]. Вспомнилось и то, как молодой турок отвечал, что бога нет, потому что он съел последний кусок. "А я причащаюсь", - подумал он и, нахмурившись, положил поклон. И, сняв медвежью шубу, в одном синем фраке с светлыми пуговицами и белом высоком

декабристы (Из неоконченного). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru галстухе и жилете и узких панталонах на сапогах без каблуков, с острыми носками, пошел своей тихой, скромной и легкой походкой прикладываться к местным образам. И опять и тут он встречал ту же угодливость других причастников, уступавших ему место.

"Как будто говорят: "apres vous, s'il en reste" [после вас, если останется (франц.)], – думал он, боком делая земные поклоны с тою неловкостью, которая происходила оттого, что надо было найти ту середину, при которой не было бы неуваженья и не было бы ханжества. Наконец двери открылись. Он прочел за священником молитву, повторяя "яко разбойника", ему завесили галстух воздухом, и он принял причастие и теплоту в древнем ковшечке, положив новые двугривенные на древние тарелочки, отслушал последние молитвы, приложился к кресту и, надев шубу, пошел из церкви, принимая поздравления и испытывая приятное чувство окончания. Выходя из церкви, он опять столкнулся с Иваном Федотовым.

– Спасибо, спасибо, – отвечал он на поздравления. – Что ж, скоро пахать? Пашете?

– Ребята поехали, поехали ребята, – отвечал Иван Федотов, еще более, чем обыкновенно, заробев. Он предполагал, что Иван Петрович знал, куда поехали пахать излегощинские. – Пожалуй, сыро. Сыро, пожалуй. Время еще раннее. Раннее еще время.

Иван Петрович зашел к памятнику отца и матери поклониться и, посаженный, сел в коляску.

"Ну, слава богу", – сказал он себе, покачиваясь на мягких круглых рессорах, и глядя на весеннее небо с расходившимися облаками, на обнаженную землю и белые пятна нестаявшего снега и на туго скрученный хвост пристяжной, и вдыхая весенний свежий воздух, особенно приятный после воздуха церкви.

"И слава богу, что причастился, и слава богу, что можно табачку понюхать". И он достал табакерку и долго держал табак в щепоти, улыбаясь, и этой рукой, не распуская щепоть, приподнимал шапку в ответ на низкие поклоны встречавшегося народа, в особенности баб, мывших столы и лавки перед дверьми, в то время как коляска большой рысью крупного шестерика шлюпала и погромыхивала по грязи улицы в Излегоцах.

Иван Петрович продержал щепоть с табаком, предвкушая удовольствие нюханья, не только вдоль всего села, но и до въезда до дурного моста под горой, на который, видимо, не без заботы спускал кучер; он подобрал вожжи, уселся лучше и крикнул на форейтора держать на ледок. Когда объехали мост мимо, логом, и выехали из проломившегося льда и грязи, Иван Петрович, глядя на двух чибисов, поднявшихся в логу, понюхал и, почувствовав свежесть, надел перчатку, закутался, утопил подбородок в высокий галстух и сказал себе почти вслух: "Славно", что он тайно от всех сам себе говорил, когда ему было хорошо.

В ночь выпал снежок, и когда Иван Петрович ехал еще в церковь, снег не сошел, но был мягок; теперь же, хотя солнца все не было, снег уж весь съело сыростью, и по большой дороге, по которой надо было ехать три версты до поворота в Чириково, только по прошлогодней травке, параллельно росшей по проезженным колеям, белел снежок; по черной же дороге лошади шлепали по липкой грязи. Но добрым, своего завода, кормленным, крупным лошадям нипочем было влачить коляску, и она точно сама катилась и по травке, где оставляла черные следы, и по грязи, нисколько не задерживаясь. Иван Петрович приятно думал; он думал о доме, о жене и дочери. "Маша встретит на крыльце и с вост 1000 оргом. Она будет видеть во мне такую святость. Странная, милая девочка; только очень уж она все к сердцу принимает. И роль важности и знания всего того, что делается на этом свете, которую я должен играть перед нею, уже очень становится для меня серьезна и смешна. Если бы она знала, что я ее боюсь, подумал, улыбаясь, он. – Ну, Като (жена) нынче, верно, будет в духе, нарочно будет в духе, и день будет хороший. Не так, как на прошлой неделе из-за Прошкинских талек. Удивительное существо. И как я боюсь ее... Ну, что ж делать, она сама не рада". И он вспомнил знаменитый анекдот о теленке: как помещик, поссорившись с женою, сел у окна и увидел скачущего теленка: "Женил бы тебя!" – сказал помещик; и опять улыбнулся, по своей привычке всякое затруднение, недоразумение разрешая шуткою, большею частью относившеюся к нему самому.

На третьей версте, у часовни, форейтор взял влево на проселок, и кучер крикнул

декабристы (Из неоконченного). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru на него за то, что так круто поворотил, что коренных толкнуло дышлом; и коляска покатила почти всю дорогу под гору. Не доезжая дома, фореитор оглянулся на кучера и что-то указал, кучер оглянулся на лакея и указал. И все они поглядывали в одну сторону.

- Что вы смотрите? - спросил Иван Петрович.

- Гуси, - сказал Михаиле.

- Где?

Как ни щурился, он ничего не видел.

- Да вот они. Вон лес, а там тучка, так в промежку извольте смотреть.

Иван Петрович ничего не видел.

- Да уж пора. Нынче, как бишь... неделю не доезжают до благовещения.

- Так точно.

- Ну, пошел!

У ложка Мишка слез с запяток и ощупал дорогу, опять влез, и коляска благополучно въехала на плотину пруда в саду, поднялась по аллее, проехала погреб, прачечную, с которой капала вода по всем швам, и ловко подкатила и стала у крыльца. Со двора только что отъезжала бричка Чернышевых. Из дома тотчас же выскочили люди: мрачный старик Данилыч с бакенбардами, Николай, брат Михайлы, и мальчик Павлушка, и за ними девочка с черными большими глазами и красными, голыми выше локтя, руками и такою же голой шеей.

- Марья Ивановна, Марья Ивановна! Куда вы? Вот мамашу беспокоите. Успеете... - говорил сзади голос толстой Катерины.

Но девочка не слушала и, как ожидал отец, схватила его за руку и, глядя на него особенным взглядом:

- Ну, что, причастился, папенька? - точно со страхом спросила она.

- Причастился. Ты точно боялась, что я такой грешник, что мне не дадут причастия.

Девочка, видимо, огорчилась шуткой отца в такую торжественную минуту. Она вздохнула и, идя за ним, держала его руку и целовала.

- Кто это приехал?

- Это молодой Чернышев. Он в гостиной.

- Маменька встала? Что она?

- Маменьке нынче лучше. Она сейчас выйдет.

В проходной комнате Ивана Петровича встретили няня Евпраксея, приказчик Андрей Ильич и землемер, живший, чтобы отвести землю. Все поздравляли Ивана Петровича. В гостиной сидели Луиза Карловна Тругони, десять лет друг дома, гувернантка-эмигрантка, и молодой человек, шестнадцати лет, Чернышев с гувернером-французом.

II

2 августа 1817 года в 6-м Департаменте Правительствующего Сената было решено спорное дело о земле между экономическими крестьянами села Излегощи и князем Чернышевым в пользу крестьян и против Чернышева. Решение это было неожиданным и важным несчастным событием для Чернышева. Дело это тянулось уже пять лет. Затеянное поверенным богатого трехтысячного села Излегощи, оно было выиграно в уездном суде крестьянами, но когда, по совету купленного у князя Салтыкова дворового человека, ходатая по делам, Ильи Митрофанова, князь Чернышев взялся за

декабристы (Из неоконченного). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru это дело в губернии, он его выиграл и, сверх того, излегощинские крестьяне были наказаны тем, что шесть человек из них, грубивших землемеру, были посажены в острог. Пос 1000 ле этого князь Чернышев, по свойственной ему добродушной и веселой беспечности, совершенно успокоился, тем более что он твердо знал, что он никакой земли у крестьян не "завлаживал" (как было сказано в прошении крестьян). Если была завлажена земля, то его отцом, а с тех пор прошло более сорока лет. Он знал, что крестьяне села Излегощи живут хорошо и без этой земли, не нуждаются в ней и с ним живут хорошими соседями, и не мог понять, из чего они на него взбесились. Знал, что он никого не обижал и не хотел обижать, со всеми всегда жил в любви и только того и желал, и потому не верил, чтобы его хотели обидеть; он ненавидел сутяжничество и потому не хлопотал о деле в Сенате, несмотря на советы и увещания своего дельца Ильи Митрофанова; пропустив срок апелляции, он проиграл дело в Сенате, и так проиграл его, что ему предстояло разорение. От него, по указу Сената, не только отрезывалось пять тысяч десятин земли, но за неправильное владение этой землей взыскивалось сто семь тысяч в пользу крестьян. У князя Чернышева было восемь тысяч душ, но все имения были заложены, много было долгов, и это решение Сената разоряло его со всем его большим семейством. У него были сын и пять дочерей. Он хватился, когда уже было поздно хлопотать в Сенате. По словам Ильи Митрофанова, было одно спасенье – подать прошение на Высочайшее имя и перевести дело в Государственный Совет. Для этого было нужно лично просить кого-нибудь из министров и из членов Совета и даже, еще бы лучше, самого государя. Сообразив все это, граф Григорий Иванович поднялся осенью 1817 года из своего любимого Студенца, где он жил безвыездно, со всем семейством в Москву. Он ехал в Москву, а не в Петербург потому, что в этот год осенью государь со всем двором, со всеми высшими сановниками и с частью гвардии, в которой служил и сын Григория Ивановича, должен был прибыть в Москву для закладки храма Спасителя в память избавления России от нашествия французов.

Еще в августе, тотчас же по получении ужасного известия о решении Сената, князь Григорий Иванович собрался в Москву. Вперед был послан дворецкий для приготовления собственного дома на Арбате, и посланы были обозы с мебелью, людьми, лошадьми, экипажами и провизией. В сентябре князь со всем семейством на своих лошадях в семи экипажах приехал в Москву и поселился в своем доме. Родные, знакомые, приезжие из губернии и из Петербурга стали собираться в Москву в сентябре; самая жизнь московская с ее увеселениями, приезд сына, выезды дочерей и успех старшей дочери Александры, одной блондинки из всех черных Чернышевых, так заняли и развлекли князя, что он, несмотря на то, что проживал здесь, в Москве, то, что, может быть, только и останется ему, когда он заплатит все, – забывал о деле и тяготился и скучал, когда Илья Митрофанов говорил ему о деле, и ничего еще не предпринял для успеха своего дела. Иван Миронович Баушкин, главный поверенный мужиков, с таким рвением ведший в Сенате дело против князя, знавший все ходы и подходы к секретарям и столоначальникам и так искусно распределивший в Петербурге собранные с мужиков десять тысяч рублей в виде подарков, теперь тоже прекратил свою деятельность и вернулся в село, где на собранные деньги в свое награждение и на оставшееся от подарков купил рошу у соседнего помещика и устроил в ней избу-контору. Дело теперь в высшей инстанции было кончено и должно было идти само собою.

Из всех замешанных в это дело не могли его забыть только те шесть мужиков, которые сидели седьмой месяц в остроге, и их оставшиеся без домохозяев семьи. Но делать было нечего, они сидели в Краснослободском остроге, а семьи их старались управляться без них. Просить некого было. И сам Иван Мироныч говорил, что за это дело он взяться не может, что это дело не мирское и не гражданское, а уголовное. Мужики сидели, и никто на хлопотал о них, но одна семья Михаила Герасимова, именно: его старуха Тихоновна, не могла примириться с мыслью, что ее золото, старик Герасимыч, сидит с бритой головой в остроге. Тихоновна не могла оставаться спокойною. Она просила Мироныча хлопотать; Мироныч отказал 1000 ей. Тогда она решила сама идти богу молиться за старика. Она год тому назад уже обещалась идти к угоднику и все, за недосугом и за нежеланием поручить молодым невесткам хозяйство, откладывала до другого года. Теперь, когда случилась беда и Герасимыча посадили в острог, ей вспомнилось обещание, она махнула рукой на хозяйство и вместе с дьяконицею их села собралась на богомолье. Сперва они зашли в уезд к старику, где он сидел в остроге, снесли ему рубахи, и оттуда через губернский город они пошли к Москве. Дорогой Тихоновна рассказала свое горе, и дьяконица посоветовала ей просить царя, который, как слышно, будет в Пензе, рассказывая ей, какие были случаи помилования. Придя в Пензу, странницы узнали, что в Пензу уже приехал не не царь, а царский брат, великий князь Николай Павлович. При выходе из собора в Пензе Тихоновна протеснилась вперед, пала на

декабристы (Из неоконченного). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru колени и стала просить за хозяина; великий князь был удивлен, губернатор рассердился, и старуху взяли в часть; через день ее выпустили, и Тихоновна пошла дальше, к Троице. У Троицы Тихоновна отговела и исповедовалась у отца Паисия. На духу она рассказала ему свое горе и каялась в том, что подавала прошение царскому брату. Отец Паисий сказал ей, что греха тут нет и что в правом деле и царя не грех просить, и отпустил ее. И в Хатьковке она была у блаженной, и блаженная велела ей просить самого царя. Тихоновна на обратном пути вместе с дьяконицей зашла в Москву к угодникам. Тут она узнала, что царь в Москве, и Тихоновна подумала, что, видно, так бог велит просить царя. Надо было только написать прошение.

В Москве странницы пристали на постоялом дворе. Они попросились ночевать, их пустили. После ужина дьяконица легла на печи, а Тихоновна, положив под голову котомку, легла на лавке и заснула. Наутро, еще до света, Тихоновна встала, разбудила дьяконицу, и только дворник окликнул ее, когда она выходила на двор.

- Рано поднялась, баушка, - оговорил он ее.
- Пока дойдем, кормилец, и заутреня, - отвечала Тихоновна.
- С богом, баушка.
- Спаси Христос, - сказала Тихоновна, и странницы пошли к Кремлю.

Отстояв заутреню и обедню и приложившись к святыням, старухи, с трудом отыскивая дорогу, пришли к двору Чернышевых. Дьяконица сказала, что старушка барыня крепко наказывала ей побывать и всех странных принимает. - "Там и человечка найдем насчет прошения", - сказала дьяконица, и странницы пошли плутать по улицам, расспрашивая дорогу. Дьяконица была раз, да забыла. Раза два чуть не раздавили их, кричали на них, бранили их; раз полицейский взял дьяконицу за плечи и толкнул, запрещая им идти по той улице, по которой они шли, и направляя их в лес переулков. Тихоновна не знала, что их согнали с Воздвиженки именно потому, что по этой улице должен был ехать тот самый царь, о котором она не переставая думала и которому намеревалась написать и подать прошение.

Дьяконица, как всегда, шла тяжело и жалостно; Тихоновна, как обыкновенно, - легко и бодро, шагами молодой женщины. У самых ворот странницы остановились. Дьяконица не узнавала двора: стояла новая изба, которой не было прежде; но, оглядев колодец с насосами в углу двора, дьяконица признала двор. Собаки залаяли и бросились на старух с палками.

- Ничего, тетки, не тронут. У, вы, подлые! - крикнул дворник на собак, замахиваясь метлою. - Вишь, сами деревенские, а на деревенских зарятся. Сюда обходи. Завязнешь. Не дает бог морозу.

Но дьяконица, заробевшая от собак, жалостно приговаривая, присела у ворот на лавочку и просила дворника проводить. Тихоновна привычно поклонилась дворнику и, опершись на клюку, расставив туго обтянутые онучами ноги, остановилась подле нее, как всегда, спокойно глядя перед собою и ожидая подходившего к ним дворника.

- Вам кого? - спросил дворник.
- Али не признал, кормилец? Егором звать, никак? - сказала дьяконица. - От угодников, да вот зашли к сиятельной.
- Излегощин 1000 ские? - сказал дворник. - Старого дьякона будете? Как же! Ничего, ничего. Идите в избу. У нас принимают, никому отказа нет. А эта чья же будет?

Он указал на Тихоновну.

- Излегощинская же Герасимова, была Фадеева; знаешь, я чай? - сказала Тихоновна.
- Тоже излегощинская.
- Как же! Да что, сказывали, вашего в острог, что ли, посадили?

Тихоновна ничего не ответила, только вздохнула и подкинула сильным движением на спину котомку и шубу.

Дьяконица расспросила, дома ли старая барыня, и, узнав, что дома, просила доложить ей. Потом спросила про сына, который вышел в чиновники и служил по милости князя в Петербурге. Дворник ничего не умел ей ответить и направил их в избу людскую по мосткам, шедшим через двор. Старухи вошли в избу, полную народом, женщинами, детьми, старыми и молодыми, дворовыми, и помолились на передний угол. Дьяконицу тотчас же узнали прачка и горничная старой барыни и тотчас же обступили ее с расспросами, сняли с нее котомку и усадили за стол, предлагая ей закусить. Тихоновна между тем, перекрестившись на образа и поздоровавшись со всеми, стояла у двери, ожидая приветов. У самой двери, у первого окна сидел старик и шил сапоги.

- Садись, бабушка, что стоишь. Садись вот тут, котомку-тоними, - сказал он.

- И так не повернешься, куда садиться-то. Проводи ее в черную избу, отозвалась какая-то женщина.

- Вот так мадам от Шальме, - сказал молодой лакей, указывая на петушков на спине чупруна Тихоновны, - и чулочки-то и башмачки!

Он показывал на ее онучи и лапти - обновки для Москвы.

- Тебе бы, Параша, такие-то.

- А в черную, так в черную; пойдем, я тебя провожу. - И старик, воткнув шило, встал; но, увидав девчонку, крикнул ей, чтобы она провела старушку в черную избу.

Тихоновна не только не обратила внимания на то, что говорили вокруг нее и про нее, но не видела и не слышала. Она, с тех пор как вышла из дому, была проникнута чувством необходимости потрудиться для бога и другим чувством - она сама не знала, когда западшим ей в душу - необходимости подать прошение. Уходя из чистой избы людской, она подошла к дьяконице и сказала, кланяясь: - Об деле-то о моем, матушка Парамоновна, ты не забудь, ради Христа. Спроси, нет ли человечка.

- А это чего старухе надо?

- Да вот обида есть, прошение ей люди присоветовали царю подать.

- Прямо к царю ее и весть, - сказал шутник-лакей.

- Э, дура, вот дура-то неотесанная, - сказал старик сапожник. - Вот возьму тебя колодкой отжучу, не погляжу на твой фрак, узнаешь, как на старых людей зубоскалить.

Лакей начал браниться, но старик, не слушая его, увел Тихоновну в черную.

Тихоновна рада была, что ее выслали из приспешной, и свели в черную, кучерскую. В приспешной все было слишком чисто, и народ все был чистый, и Тихоновне было по себе. В черной кучерской было похуже на крестьянскую избу, и Тихоновне было вольнее. Черная была еловая восьмиаршинная темная изба с большой печью, нарами и полатами и затоптанной грязью, намоленным новым полом. В избе, в то время как вошла в нее Тихоновна, была кухарка, белая, румяная, жирная дворовая женщина, с засученными рукавами ситцевого платья, с трудом передвигавшая ухватом горшок в печи; потом молодой малый - кучер, учившийся на балалайке, и старик с небритой мягкой белой бородой, сидевший на нарах, с босыми ногами, и, держа моток шелку в губах, шивший что-то тонкое и хорошее, и лохматый черный молодой человек, в рубашке и синих штанах, с грубым лицом, который, жуя хлеб, сидел на лавке у печи, облокотив голову на обе, утвержденные на коленях, руки.

Босая Настька с блестящими глазками вбежала своими легкими босыми ногами вперед старухи, оторвала влипшую от пара дверь и пропищала своим тонким голоском:

- Тетушка Марина! Симонич вот старушку прислал, велит 1000 накормить. Они с

декабристы (Из неоконченного). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru нашей стороны, с Парамоновной ходили к угодникам. Парамоновну чаем поят, Власьевна за ней посылала...

Словоохотливая девочка еще долго бы не остановилась говорить; слова так и лились у нее, и, видно, ей весело было слушать свой голос. Но запотевшая у печи Марина, не успевая все своротить зацепившийся за под горшок со щами, сердито крикнула на нее.

- Ну тебя совсем, будет болтать; какую еще старуху кормить? тут своих не накормишь. Прострели тебя! - крикнула она на горшок, который чуть не упал, сдвинувшись с места, за которое зацепился.

Но, успокоившись теперь насчет горшка, она оглянулась и, увидав благовидную Тихоновну с ее котомкой и в ее правильном деревенском наряде, истово кладущую кресты и низко кланяясь на передний угол, тотчас же устыдилась своих слов, и, как бы опомнившись от замучивших ее хлопот, хватилась за грудь, где, ниже ключицы, пуговики застегивали ее платье, поверила, застегнуто ли оно, и хватилась за голову, и подтянула сзади узел платка, покрывавшего ее намавленную голову, и остановилась, упершись на ухват, дожидаясь приветствия благовидной старухи. Поклонившись последний раз низко богу, Тихоновна обернулась и поклонилась на три стороны.

- Бог помочь, здравствуйте, - сказала она.

- Милости просим, тетенька! - сказал портной.

- Спасибо, бабушка, снимай котомку. Вот сюда-то вот, - сказала стряпуха, указывая на лавку, где сидел лохматый человек. - Посторонись, что ли. Как застыл, право!

Лохматый, еще сердитее нахмурившись, приподнялся, подвинулся и, продолжая жевать, не спускал глаз с старухи. Молодой кучер поклонился и, перестав играть, стал подвинчивать струны своей балалайки, глядя то на старуху, то на портного, как бы не зная, как обратиться с старухой: уважительно, как ему казалось, надо, потому что старуха была в том самом наряде, в каком ходила его бабушка и мать дома (он был переросший фореитор, взятый из мужиков), или подтрунивая, как ему хотелось и казалось сообразно с его теперешним положением, синей поддевкой и сапогами. Портной поджал один глаз и, казалось, улыбался, подтянув шелк во рту на одну сторону, и тоже смотрел. Марина взялась ухватом за другой горшок, но и занятая делом оглядывала старуху, как она бодро и ловко снимала котомку и, стараясь никого не зацепить, укладывала ее под лавку. Настька подбежала к ней и помогла ей: вынула из-под лавки сапоги, мешавшие котомке.

- Дядюшка Панкрат, - обратилась она к угрюмому человеку, - я сюда сапоги. Ничего?

- А черт их дери, хоть в печь брось, - сказал угрюмый человек, бросая их в другой угол.

- Вот умница, Настька, - сказал портной, - дорожного человека упокоить надо, так-то.

- Спаси Христос, деушка. Так ладно, - сказала Тихоновна. - Тебя только, миленький, потревожили, - обратилась она к Панкрату.

- Ничего, - сказал Панкрат.

Тихоновна села на лавку, сняв чупрун и оправив рукава из-под поддевки и бережно сложив его, начала разуваться. Прежде она развязала оборочки, ею же самую нарочно для богомолья гладко ссученные, потом размотала бережно поярковые белые онучи и, бережно размяв, сложила на котомку. Когда она разувала другую уже ногу, у неловкой Марины опять зацепился горшок и выплеснулся, и опять она стала бранить кого-то, цепляя ухватом.

- Видно, выгорел под-то, деушка, надо бы подмазать, - сказала Тихоновна.

- Когда тут мазать! Нетолченая труба; двое хлебов в день ставишь, одни вынимай, а другие затевай.

декабристы (Из неоконченного). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

По случаю жалобы Марины на хлеба и на выгоревший под портной заступился за порядки чернышевского дома и рассказал, что приехали вдруг в Москву, что всю избу построили в три недели и печь склади и что дворни до сотни человек, всех кормить надо.

- Известное дело. Хлопоты. Заведенье большое, - подтвердила старуха.

- Откуда бог несет, бабушка? - обратился портной.

И тотчас же Тихоновна, продолжая разуваться, рассказала, откуда она и куда ходила и как идет домой. Про прошение же она ничего не сказала. Разговор не прерывался. Портной узнал все про старуху, а старуха - все про неловкую торопливую Марину: что ее муж солдат, а она взята в кухарки, что сам портной шьет кафтаны выездные кучерам, что девчонка на побегушках у ключницы, сирота, а что лохматый угрюмый Панкрат в прислугах у приказчика Ивана Васильевича. Когда Панкрат вышел из избы, хлопнув дверью, портной рассказал, что он и так грубый мужик, а нынче вовсе груб потому, что вчера он разбил у приказчика штучки на окошках и его нынче сечь хотят на конюшне. "Вот приедет Иван Васильевич, и поведут сечь. Кучеренок был из деревенских взят в фолеторы, да вырос, и теперь только ему и дела, что убирать лошадей да на балалайке отмахивать. Да не мастер..."

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!